

Оно чуть повернуло голову и посмотрело на Цзи Чаоань. В его чёрных глазах отражались мерцающие языки пламени, а два длинных уха безвольно повисли по бокам головы, отчего оно выглядело ещё более жалким и трогательным, вызывая искреннюю жалость.

Цзи Чаоань ростом походил на маленького бессмертного отрока — такой же чистый и миловидный, однако сердце у него было жёстким, и он ни капли не растрогался, лишь напомнил зверьку:

— Ешь быстрее. Пилюлю растёрли в порошок, её целительная сила легко улетучивается, если медлить, то толку не будет.

Он повернулся, окинул взглядом небо за пещерой — было ещё рано, — немного подумав, надел нателное защитное сокровище, привязал к поясу маленький драгоценный меч и сказал:

— Я мигом туда и обратно, ты уж поешь как следует и отдохни.

Перед самым уходом он вдруг что-то вспомнил, быстро вернулся, запихнул все чёрные пузырьки с лекарствами в узелок, подхватил небольшую бамбуковую корзину и невозмутимо вышел из пещеры.

Он даже от воровства лекарств со стороны кролика подстраховался.

Серой кролик свирепым взглядом уставился в спину мальчишке, пока Цзи Чаоань не скрылся в проходе.

Выбравшись из пещеры, Цзи Чаоань повернул налево и спустя полпалочки благовоний оказался перед внезапно открывшимся его взору широким озером.

Вот только стояли трескучие морозы, и вся поверхность озера покрылась льдом, напоминая самоцветный зрачок, инкрустированный в белый мех.

Он срубил древесную ветку, проверяя ею лёд и прокладывая путь, и выбрал подходящее место. Затем, сосредоточившись и приведя дыхание в порядок, он направил капельку слабой духовной ци в клинок.

Тончайшие узоры на сине-стальном лезвии покрылись тусклым сиянием, и Цзи Чаоань вонзил меч в ледяной пласт так легко, словно тот вошёл в масло.

Сделав еще несколько движений — то срезая, то поддевая лёд, — он выдолбил в замёрзшей глади озера яму глубиной чуть больше фута.

Свечение клинка держалось около пяти вдохов и погасло. Цзи Чаоань устал настолько, что у

него ослабли руки и ноги; посидев рядышком и немного переведя дух, он поднялся. Затем он перевернул меч рукоятью вниз и тяжело ударил по дну ямы — раздался громкий хруст, и ледяная корка наконец треснула.

Вскоре привлечённая воздухом рыба, долго томившаяся подо льдом, одна за другой поднялась на поверхность. Они сбились у лунки в тесную кучу, шумно плеская воду.

Цзи Чаоань опустился на колени у края проруби и принялся наотмашь колоть рыбу мечом.

Хотя телом он уменьшился, накопленный за долгие годы опыт владения мечом был огромен, и после пары пробных раз разом вернул себе прежнюю сноровку: выпады, поддевания, круговые движения и взмахи следовали один за другим так плавно, будто текли облака и вода, обнаруживая немалую выучку истинного мечника.

Не прошло и нескольких вдохов, как возле лунки оказалось с два десятка серебристых рыб длиной чуть больше фута; подёргавшись пару раз, от холодного ветра они окоченели.

Тех же рыб, что отлетели дальше, тут же утащили выскочившие из снега дикие звери.

Увидев это, Цзи Чаоань лишь с улыбкой покачал головой и собрал всю разбросанную по земле рыбу в бамбуковую корзину.

После этого он разжёг на берегу костер, соскрёб чешую, вспорол брюха и смыл кровь, а головы и внутренности выбросил в снег — на прокорм проходящим мимо зверям, после чего отправился в обратный путь с полными руками добычи.

Окутанный клубами морозного воздуха, он радостно вернулся в пещеру и, прежде всего, присел погреть озябшие руки у огня, заодно заглянув в корзину.

Маленький Серой кролик свернулся пушистым клубочком, уткнувшись мордочкой в лапы, и крепко спал. Его длинные уши закрывали глаза, а от избытка расслабленности даже слегка обнажился животик.

Начищенные кусочки батата в маленькой фарфоровой чашечке были съедены начисто.

Цзи Чаоань пришёл в величайший восторг и отвесил зверьку пару похвал.

Затем он достал припасённые в пещере пряности, нанизал рыбу на палочки и щедро посыпал её стопроцентной ароматной приправой — смесью соли и растертых в порошок тридцати трёх видов пряных трав, — и с довольным видом принялся за жарку.

В горах Чанлю водилось множество серебристых рыб: плоских и вытянутых, серебристо-

блестящих на вид, но с жестковатым мясом и сильным тинистым привкусом. Изысканным деликатесом их не назва́бл бы. Помимо бедняков и путников, которые ловили их ради утоления голода, на столы знати они не попадали.

Однако приправленная пряностями рыба, когда запах тины заглушили специи, на вкус оказалась вполне сносной. Цзи Чаоань ел с огромным аппетитом, и пещера наполнилась аппетитным ароматом жареной рыбы.

Разбуженный запахом, кролик снова очнулся и растерянно уставился на Цзи Чаоань.

Он долго смотрел на него, пока наконец не сообразил, что Цзи Чаоань, хотя и жарит у костра целых семь или восемь рыб, вовсе не собирается делиться с ним ни единым кусочком.

Умяв запеченный на углях батат и съев ещё три рыбы, Цзи Чаоань с довольным видом утер рот и заварил себе чаю.

Кролик прикрыл веки, спрятав голову в потёртую мягкую зелёную хлопчатобумажную ткань, и выглядел невероятно жалостливым и унылым.

Цзи Чаоань снова не вынес.

Сегодня было пятое число двенадцатого месяца. То, что в Луоцзине стояла ясная погода, не было случайностью — так повторялось из года в год, ведь сегодня был день рождения Гао Яо.

Простолюдины Луоцзина знали лишь то, что Господин Чиго горячо любит своего единственного сына Гао Яо и ещё в шестилетнем возрасте выпросил для него титул наследника.

Гао Яо с детства рос болезненным, и Господин Чиго ценой боевых заслуг и пяти богатых зерном поместий испросил у Фэн Ми-вана указ, обязывающий колдунов из Башни Наблюдения за Звездами ежегодно пятого числа двенадцатого месяца проводить обряд разгона туч, празднуя день рождения Гао Яо.

В ответ народ проникался глубокой благодарностью, празднуя день рождения юного господина словно великий праздник.

А Гао Хуай, который по идее приходился ему братом-близнецом, родился в тот же день — пятого числа двенадцатого месяца.

Стоило ему появиться на свет, как он едва не погиб от меча собственного отца, после чего на него наложили печать, и родной отец стал держать его в поместье на положении скота.

Из года в год кто-нибудь праздновал день рождения младшего брата, а о Гао Хуае все забывали.

Кто-то не знал, а кто-то не смел помнить.

Теперь ему наконец удалось бежать, но он по-прежнему терпел притеснения от Цзи Чаоань, и в собственный день рождения ему доставались лишь горькие, едва проглатываемые кусочки батата с начинкой.

Станет ли он в будущем свирепым, своенравным и нерассудительным — это забота будущего, а сейчас разуму этого кроличьего духа от силы лет четыре-пять.

Самый возраст для того, чтобы греться в лучах родительской любви, капризничать и проказничать.

Цзи Чаоань, с одной стороны, злился на собственную мягкотелость, а с другой — взял две тонкие палочки вместо палочек для еды, ободрал с жареной рыбы нежное мясо, наполнил им целую миску и вернул обратно в бамбуковую корзину перед носом кролика.

Разве мог Серой кролик поверить в доброту этого человека? Он снова ошетинился, насторожился и принялся сверлить Цзи Чаоань холодным, подозрительным взглядом.

Цзи Чаоань бесцеремонно ткнул кролика в голову и ворчливо бросил:

— Сегодня пятое число двенадцатого месяца. Я подобрал тебя, так что пятое число двенадцатого месяца пусть будет твоим днём рождения. В этом году отпразднуем день рождения жареной рыбой, а как поднатореешь в культивации и обретёшь человеческий облик, я приготовлю тебе лапшу долголетия.

Серой кролик некоторое время молчал, затем неторопливо подполз к миске, уткнулся в неё мордочкой и принялся за рыбу.

Цзи Чаоань подбросил в костер сухих дров, присел возле корзины и, обхватив чашку с горячим чаем, стал неторопливо попивать его.

В пещере было наложено заклятие, не позволявшее теплу рассеиваться, и там стоял мягкий весенний жар — такой уютный и умиротворяющий, что клонило в сон и хотелось расслабиться.

Спустя мгновение он тихонько запел:

— Солнце всходит на востоке, мой сынок верхом на драконе, в алых и лиловых одеждах, с нефритовым хуаном на поясе. Солнце садится на западе, сынок мой радуется, без бед и болезней, без забот и тревог...

Эту народную песню, известную под названием Песня о благословении сына, в Луоцзине пели уже много лет. Когда мать Цзи Чаоань была жива, она всегда любила напевать её, чтобы убаюкать его, а в дни рождения эта песня и вовсе звучала неизменно.

В ней пелось о самых горячих надеждах любой матери на Земле на то, чтобы ее дитя прожило жизнь в богатстве и мире, не ведая тягот и испытаний.

Жители столицы, благодарные за ясную погоду в день пятого числа двенадцатого месяца и сочувствующие Гао Яо, потерявшему мать в раннем детстве, каждый год пятого декабря распевали эту песню на переулках и улицах, и со временем это вошло в привычку.

Гао Хуай годами слушал её со стороны, годами наблюдал, но пели её всегда исключительно для Гао Яо, и к нему самому она не имела ни малейшего отношения.

Кого же усердно запевал Цзи Чаоань теперь?

Просто ли ради праздничного антуража пятого декабря?

Или... ради самого Гао Хуая?

Серой кролик уплетал рыбу за обе щеки, и движения его становились всё более оживлёнными.

Пусть считается, что... пели для него.

Наевшись и отдохнув, Цзи Чаоань забился в дальний угол пещеры и до самой глубокой ночи возился с какими-то предметами.

Серой кролик, полусонный и разомлевший, никак не мог к этому привыкнуть.

Цзи Чаоань пробыл в пещере ещё несколько дней. Каждое утро он поднимался практиковать владение мечом — простора внутри было достаточно, чтобы вдоволь помахать клинком и попрыгать.

Телесная база у него была слабой, поэтому он начал с самых азов, повторяя упражнения, переданные ему некогда юным мечником.

Пять базовых приемов выполнялись шаг за шагом: стремительный выпад вперед, боковой бросок в рывок, отступление ласточки. Его движения были ещё по-детски неуклюжими, но в них уже сквозила определенная стать.

Серой кролик приподнялся, опираясь передними лапами о край корзины, высунул наружу

полголовы, а его длинные уши встали торчком.

Хотя он рос беспризорником и никто не учил его грамоте и боевым искусствам, хун от рождения был свирепым зверем, рожденным для битвы. Ему хватило взглянуть на то, как Цзи Чаоань отрабатывает приемы, чтобы интуитивно понять: если он овладеет этим, то получит огромную выгоду. Поэтому его круглые кроличьи глаза не отрывались от мальчика ни на секунду.

Цзи Чаоань изначально и собирался его учить, а потому первые несколько раз намеренно замедлял движения, выполняя их с предельной тщательностью. На тех участках, где ему самому было трудно, он проходил их по нескольку раз.

Закончив тренировку, Цзи Чаоань снова запекал рыбу для себя и кролика, после чего кормил его, менял повязки и уносил с собой в корзинке, отправляясь на ловлю рыбы.

Всё шло по прежнему сценарию: рыбы головы и внутренности доставались бродячим зверям, а тушки он приносил в пещеру, обсыпал пряностями, мариновал и подвешивал вялиться на сквозняке.

Цзи Чаоань был занят с утра до вечера: помимо заготовки вяленой рыбы, тренировок с мечом, медитации и культивации, а также лечения кролика, он постоянно мастерил что-то в уголке пещеры.

Серой кролик сгорбил от любопытства, но Цзи Чаоань даже формулу циркуляции ци от него не скрывал, а вот над чем именно он трудится, упрямо утаивал.

Он лишь пару раз видел, как Цзи Чаоань с разочарованным вздохом бросал очередную поделку в костер, явно оставшись недоволен результатами.

Провозившись так пять дней, они обнаружили, что входная часть пещеры сплошь увешана гирляндами вяленой рыбы, которые издали казались густыми серебряными колокольчиками.

Цзи Чаоань наконец завершил дело. Он взял исписанный лист бумаги, принялся крутить его в руках, внимательно разглядывая со всех сторон, а затем почему-то расхохотался и принялся хвастать сам перед собой:

— Мелкий я — просто гений, несравненный талант, равных которому нет в поднебесной!

Серой кролик искоса глянул на то, как мальчишка тешит собственное самолюбие, и неторопливо приподнял заднюю лапу, стряхивая пыль с уха.

Повязку с задней лапы уже сняли: Пилуля Восстановления Костей и Питания Плоти подействовала на удивление быстро, и рана давно затянулась, не причиняя ни боли, ни

зудовых неудобств.

Тем не менее, Цзи Чаоань по-прежнему наказывал ему беречь себя, повторяя, что его кроличье тело хрупко, а культивация полностью утрачена, из-за чего он остаётся простым смертным во плоти, которому для сращивания костей и восстановления сухожилий понадобятся как минимум сто дней. Хоть внешне всё и зажило, без должной осторожности в будущем он рискует до конца дней остаться трёхлапым крольчонком.

И хотя этот пацан был язвителен, властен и вечно находил утешение в издевательствах над ним, о нём он заботился на совесть.

Лишь в самый первый день их встречи, когда рука мальчишки нерешительно занеслась над его загривком, в его глазах на миг мелькнуло короткое намерение убить. Но с тех пор в его поведении не проявлялось ни капли враждебности — то ли он действительно оставил эти мысли, то ли прятал их слишком глубоко?

Вдоволь нахохотавшись, Цзи Чаоань аккуратно свернул исписанный лист бумаги и спрятал его в рукав. Поглядев на стемневшее небо снаружи, он повернулся к кролику и сказал:

— Все дела переделаны, да и от рыбы меня уже воротит. Завтра чуть свет спустимся с гор, толкнем на базаре часть вяленой рыбы, а на выручку купим тебе редьки!

Движение кроличьей лапы, стряхивающей пыль с уха, замерло.

Глубокой ночью Серой кролик внезапно открыл глаза.

Он посмотрел на фигуру по ту сторону костра: мальчишка, отвернувшись от пламени, спал мёртвым сном, не выказывая к нему ни малейшей тени подозрительности.

Тогда кролик осторожно выбрался из корзины и, прыг-прыг, выскользнул из пещеры.

Он был маленьким и двигался настолько легко, что даже прыжки не издавали ни звука.

Снег на улице перестал идти. Не было ни звёзд, ни луны, вокруг царила непроглядная тьма.

Кролик тряхнул ушами, словно задерживая дыхание, и его чёрные глазки внезапно стали кроваво-красными.

Затем его тело на глазах стало расти, раздуваясь, словно тесто, очертания смазались и деформировались, и из ладонного серого кролика он превратился в темно-зелёного четвероногого зверя.

Если бы в этот момент рядом кто-то оказался, он бы без труда опознал в этом существе страшного зверя.

Похожий на коня, покрытый чешуей, с крыльями на ребрах, длинными гривами на шее и копытах, он отливал густой синевой древней бронзы, а в зазорах между чешуйками то и дело вспыхивали искры пламени.

Это был Хун — тот самый древний свирепый зверь, от одного упоминания которого в жилах стынет кровь у всего живого.

Этот страшный древний зверь, принявший облик серого кролика, сильно прибавил в размерах. Если кролик был трёх цуней в длину, то в ипостаси хуна он вытянулся больше чем на полфута.

Размером он походил примерно на двухмесячного щенка.

Крошечный свирепый зверь перебирал четырьмя копытами и, не оглядываясь, мчался прочь от входа в пещеру.

Цзи Чаоань по-прежнему лежал без движения на прежнем месте, но глаза его, как оказалось, были уже открыты.

Дневник маленького Гао Хуая:

Сегодня мой день рождения. Я ел торт (жареную рыбу), получил подарок (вышитый талисман), а ещё кто-то спел мне песню на день рождения. Говорят, у всех остальных детей в день рождения мамы поют им песню, и только у меня нет. Но Цзи Чаоань так красиво поёт и сам такой симпатичный, если бы моя мама пела мне, она бы, наверное, тоже была похожа на него?

Я счастливый маленький кролик.

Надеюсь, Цзи Чаоань всегда сможет быть моей мамой.

Цзи Чаоань: Ты ещё пожалеешь об этом.

Гао Яо: Ты ещё пожалеешь об этом.

Нынешний Господин Чиго: Ты ещё пожалеешь об этом.

Прохожий А: Ты ещё пожалеешь об этом.

Прохожий Б, В, Г: Ты ещё пожалеешь об этом.

Маленький Гао Хуай: O△O!!!?

Отпустить

Западная окраина Луоцзина, горы Чанлю.

Глубокий, по колено, снег укрывал склоны от вершины до середины белым покрывалом; даже впотьмах можно было различить смутные очертания заснеженных пиков.

Ночь стояла тихая, всё вокруг погрузилось в безмолвие. Над скованным льдом озером на полпути к вершине стоял невыветривающийся запах крови: стая сероватых волков усердно терзала добычу.

Вожак стаи, заметно крупнее прочих сородичей, резко вскинул голову. Его треугольные уши чуть зашевелились, и он настороженно огляделся по сторонам.

Остальные волки один за другим бросили трапезу. Чувствуя смертельную опасность, они настороженно уставились в темноту, пятясь назад и образуя кольцо мордами наружу, а из их глоток вырывалось угрожающее рычание.

В этой волчьей стае теплилась искра духовности, и они остро ощутили поблизости присутствие сильного духовного зверя.

Эта аура была свирепой и жестокой; она возникла из ниоткуда, внезапно и бесшумно обрушившись на всю округу.

В другое время стая, почуяв неладное издалека, давно бы разбежалась без оглядки, но сейчас мощный неизвестный противник оказался слишком близко — бежать было поздно. Волки обнажили свою дикую звериную сущность и заняли глухую оборону.

Бегство означало гибель всего рода и поголовное истребление, а в бою у волчиц и молодняка хотя бы оставался шанс спастись.

Шерсть вожака встала дыбом, и он, величественно задрав морду, испустил долгий вой — одновременно боевой клич и жалобную песнь обречённых на скорую гибель, полную трагического величия.

Чудовищная аура наконец шевельнулась. У волков волосы на загривках встали дыбом, они глухо рычали, сузив коричневые зрачки до точек, скалили зубы, обнажая острейшие клыки и окровавленные десны, выгибали спины и яростно скребли передними лапами по льду, оставляя белые царапины острыми когтями.

Тонкий, детский голосок вдруг вывел из-за огромного валуна у берега озера:

— Рыбы кишки оставьте, а сами валите отсюда!

Волки ошеломленно замерли.

Из-за валуна медленно шагнул древний свирепый зверь, являя пугающий взор.

В зазорах чешуи, подобной древней бронзе, мелькали искры, на шее и копытах развевалась бледно-синяя грива без дуновения ветра, а голова, напоминавшая конскую, горела в золотистых вертикальных зрачках холодным высокомерием.

Копыта ступали по льду, источая шипящий пар, а на их месте оставались оплавленные следы.

Хун!

Охваченные страхом волки разом отступили на несколько шагов, но затем странным образом замерли.

Вожак же снова разинул пасть, и в его глотке раскатился громоподобный рык — он вздумал угрожать свирепому зверю в ответ.

Бронзовый хун холодно усмехнулся про себя: раз уж они сами лезут на рожон, пусть не винят его в бессердечности. Сегодня, когда его истинный облик явился миру и ему больше некого бояться, он начнет свой путь мести именно с этих тварей.

Сложив крылья, он с холодным выражением раскрыл пасть и изверг на стаю языки пламени.

Хун от рождения владел небесным палящим огнем, способным нанести тяжелые увечья даже гордым дочерям рода драконов, чья природная стихия давала им защиту от огня — это наглядно свидетельствовало о жуткой силе его пламени.

И даже посреди ледяной зимней стужи одно лишь дыхание этого алого огня могло запросто превратить в угольки дерзких диких волков.

Однако, вопреки ожиданиям хуна, перед ним лишь мелькнул и тут же погас язычок алого пламени размером с фитиль свечи.

Зверь опешил. На глазах у волков, чьи глаза светились в темноте фосфоресцирующим светом, он, упрямо не желая сдаваться, повторил попытку. Но в ответ лишь зачихал от холодного воздуха, выплюнув лишь несколько струек черного дыма.

Разгадав истинную силу этого создания с напускным грозным видом, волки один за другим подались вперед, постепенно смыкая кольцо.

Крошечный свирепый зверь не раздумывая крутанулся на месте и бросился наутек.

Вожак взревел, бросившись в погоню, и стая рванула за ним.

Тихий горный лес вмиг ожил.

Детеныш хуна духом добежал до пещеры, но едва оставалось около десятка шагов, как в лицо ему пахнуло убийственной аурой меча с недвусмысленным предостережением.

Преодолевая боль, он бросился вперед, и защитный барьер пещеры сработал: иллюзорный меч рубанул сверху вниз.

Откатившись кубарем и чудом избежав призрачного удара, детеныш хуна был вынужден выскочить за пределы защитного круга, а стая волков уже настигала его.

Внутри же пещеры царило полное затишье — неужели этот человек спал так крепко и ничего не заметил?

Детеныш хуна отчаянно заверещал и еще пару раз попытался прорваться внутрь, но защитный барьер неизменно отбрасывал его назад. Его золотистые зрачки от злости налились кровью, и он круто развернулся, решив принять бой с волками.

Крупный вождь серой масти почти вплотную приблизился по горной тропе, и пар от его дыхания едва не окутывал детеныша хуна. Малыш яростно зарычал, изо всех сил пытаясь выдохнуть пламя длиной хотя бы в полчуня — такой мощи в холодную зимнюю ночь не хватило бы даже на то, чтобы поджарить рыбу.

Но прямо над головой вождя брызнули бесчисленные искры, и тот со скулежом отпрыгнул назад.

Детеныш хуна замер и увидел, как по снегу перед ним катится обгоревший до половины, еще пылающий поленьо.

Повернув голову, он заметил Цзи Чаоань, вышедшего из пещеры. В левой руке мальчишка держал горящую головню для освещения, а на поясе по-прежнему висел меч.

Мальчик глядел холодно и свирепо, цедя сквозь зубы:

— Если сунетесь еще раз, по голове вам стукнет не поленьо, а этот меч.

Вожак окинул его не менее злым взглядом и дважды рывкнул. Стая подхватила его вой — многоголосое заунывное завывание раскатилось так громко, что с ветвей деревьев осыпались шапки снега, а вся близлежащая мелкая живность бросилась врассыпную.

Цзи Чаоань в несколько шагов оказался рядом, подхватил свободной правой рукой детеныша хуна размером со щенка и бесцеремонно засунул его за пазуху.

Волки не желали отступать и сбежались ближе. Цзи Чаоань выхватил меч: сине-стальное лезвие озарилось слабым светом, и он сделал выпад в сторону крупного серого волка, бросившегося на него из-за спины, насквозь пробив тому шею.

Волк со скулежом рухнул на землю, судорожно дернулся и затих.

Цзи Чаоань выдернул клинок, и фонтан горячей крови забрызгал ему лицо и волосы, превратив миловидного мальчишку в жуткого демона.

Однако волки, обладавшие лишь зачатками разума, продолжали остервенело лезть напролом.

Цзи Чаоань ранил еще двух зверей, но в затяжной бой ввязываться не стал, а вместо этого быстро отступил обратно в пещеру.

Стоило первым волчьим вожакам переступить черту защитного барьера, как в воздухе заплясали тени клинков, раздался истошный вой, и белизна снега у входа обагрилась кровью.

Потеряв четыре-5 тел, стая наконец сбежала в панике. На прощание вожак бросил на вход исполненный жгучей ненависти взгляд.

Внутри и снаружи пещеры словно лежали два разных мира: снаружи бушевала кровавая бойня и леденящий душу холод, а внутри царили покой, тишина и весеннее тепло.

Почувствовав, что дрожь в прижатом к груди зверьке наконец утихла, Цзи Чаоань вытащил его наружу, и в тот же миг оба замерли в изумлении.

Детеныш хуна застыл, вспомнив про свой нынешний облик — он так испугался, что эта серая птичка испугается его и не узнает в нем того самого серого кролика, а если и узнает, то больше не захочет приютить.

<http://bllate.org/book/21199/2145908>